

Том Кокс

Том Кокс

**ХОРОШИЙ,
ПЛОХОЙ,
ПУШИСТЫЙ**



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(410)
ББК 84(4Вел)-44
К59

Серия «Кошки, собаки и их хозяева»

Tom Cox

THE GOOD, THE BAD AND THE FURRY

Перевод с английского А. Соколова

Компьютерный дизайн В. Воронина

Печатается с разрешения литературных агентств
Johnson & Alcock Ltd. и Andrew Nurnberg.

Кокс, Том.

К59 Хороший, плохой, пушистый : [роман] / Том Кокс ; [пер. с англ. А. Соколова]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 256 с. — (Кошки, собаки и их хозяева).

ISBN 978-5-17-093835-3

Встречайте пушистую команду Тома Кокса! Медведя — кота с огромными, словно блюдца, глазами, умом и хитростью не уступающего иному человеку. Джанета — непревзойденного специалиста по поджиганию собственного хвоста. И двух братьев: Ральфа, обожающего устраивать кошачьи концерты исключительно в пять утра, и Шипли, избравшего необычную профессию похитителя супов из кухни. И конечно же, самого Тома, пишущего остроумные и забавные истории о приключениях своих четвероногих друзей.

УДК 821.111-31(410)
ББК 84(4Вел)-44

© Том Сох, 2013
© Перевод. А. Соколов, 2015
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2016

ISBN 978-5-17-093835-3

Посвящается Джо и Мику

В поведении медведей есть
нечто такое, что напоминает
нас. У них облик изгоев.

*Роуз Тремейн. Меривел:
Человек своего времени*

Предельная котонасыщенность

Максимальное число кошачьих душ, превышение которого грозит психическому состоянию человека или кота. Например: «Поверь, я забрал бы у тебя этого котенка, но сейчас у меня превышен уровень котонасыщенности».

Котоголодание

Понятие, противоположное котонасыщенности: состояние обескошенности, ведущее к обеднению жизни, когда человек испытывает своеобразный голод по кошачьим лапам. Не путать с Городом Кошачьих Лап — местечком в Северной Дакоте с населением в 301 человек.

«РЕЙНАРДИН»*

Моего кота Джанета стошнило за задней дверью. Незнакомый с ним человек решил бы, что в мой сад с дороги свернула большая цистерна с рвотными массами и расплескала весь свой груз, и теперь Джанет изучает состав продукта. Но меня ему не провести. С самого первого дня, когда десять лет назад Джанет — несмотря на имя, это здоровенный котяра мужского пола — неуклюже вступил в мою жизнь, он проявил себя истинным мастером извержения содержимого желудка, титаном срыгивания. Это не имеет никакого отношения к тому, что последнюю пару лет он болеет. Джанет всегда был таким. Иногда, сидя в нескольких футах от него, я замечаю, что кот начинает изображать движения рэперов группы «Run-D.M.C.» из ремикса 1997 года, и успеваю подсунуть ему под морду разворот газеты или картонную коробку, таким образом предотвратив катастрофу. Но ни один

* Старая английская баллада о лисе-оборотне, манящем за собой и увозящем красивых женщин. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.*



человек не способен семь дней в неделю круглосуточно стоять на антигошнотной вахте. На сей раз кот хотя бы проявил благоразумие и очистил желудок на улице.

— Нет необходимости убирать, — заявила моя приятельница Мэри, указывая на Джанета и итоги его рвоты. Она с другом Уиллом заночевала в моем доме, и их, как и меня, разбудил другой мой кот Ральф, начавший с пяти утра вымяюкивать свое имя. — Подожди пару дней, придет лиса и все сожрет.

— Думаешь? — с сомнением произнес я.

— Точно. Лисы всегда подъедают рвоту собаки моей матери.

— Что правда, то правда, — с содроганием кивнул Уилл. Этим жестом он одновременно демонстрировал несокрушимую веру в слова своей подружки и собственное отвращение к пожиранию чужой рвоты.

— Ра-а-а-альф! — провопил Ральф, опровергая наши преждевременные гипотезы, что его утренняя сессия громогласного обнаружения собственного имени успела завершиться.

У меня много друзей, которые любят животных, но самые знающие, конечно, Мэри и Уилл. В тот день, когда я с ними познакомился на рынке подержанных пластинок, они сообщили, что накануне весь вечер наблюдали, как оса грызет скамью. Эта информация задала тон нашей дружбы, которая была основана наполовину на восторгах по поводу греческого про-



грессивного рока семидесятых годов и на разглядывании фотографий сов и зайцев, сопровождаемом возгласами: «Здорово! Превосходно! Отлично!» Если я выбираюсь на природу, то готов завести дружбу со всяким, у кого четыре ноги или на ком есть перья или шерсть, но что касается интересных фактов, таковыми не владею. Уилл и Мэри другие. Если я планирую с ними прогулку, приходится набрасывать минут сорок пять на их замечания по поводу редкого гриба или особенности какой-нибудь птицы. Меня это вполне устраивает: дышу свежим воздухом, получаю удовольствие от ходьбы и одновременно узнаю много нового. Вчера, например, наблюдая за Мэри, открыл для себя, как выглядит вальдшнеп. Гуляя, она внезапно воскликнула: «Мать честная, ты только посмотри! Это же вальдшнеп!»

Кто бы мог подумать, что Мэри и Уилл станут для меня символами хорошего времени. За полтора года до нашего знакомства, весной 2009 года, я расстался со спутницей, с которой прожил девять лет. Через две недели после этого от невыявленной опухоли мозга скоростижно скончался один из друзей. А затем я узнал, что у моей бабули — единственной оставшейся в живых из бабушек и дедушек — последняя стадия рака легких. Я остался один в слишком большом для меня доме, где все, как мне казалось, разваливалось на части, с четырьмя из шести кошек, которых мы завели с моей бывшей, Ди.



И вот здесь, в провинции Норфолк, где не жил никто из моих близких, до меня стало доходить, что я не очень-то старался обзавестись новыми знакомыми.

С Ди мы решили поделить кошек не поровну, а на треть и две трети: так лучше для самих животных с точки зрения окружающей среды и возможности справиться со стрессом. Иными словами, Ди взяла двух молоденьких, которые друг друга любили. А мне достались четыре старых ворчуна, каждый из которых считал остальных отменными говножуями.

Рыжий франт Ральф, любитель промяукать под окном спальни в пять утра свое имя, жил в постоянном страхе моей металлической сушилки для белья, его оскорблял вид чисто вымытых рук, и он имел обыкновение приносить на спине в дом слизней. Его сильный, жилистый брат Шипли норовил незаконно полакомиться супом, постоянно на всех шипел, но обычно расслаблялся, если его поднимали и переворачивали вниз головой. Неуклюжий Джанет постоянно задевал хвостом зажженные свечи, рискуя подпалить шерсть. У него было слабое сердце и заболевание щитовидной железы. Чтобы он не умер, мне приходилось каждый день ухищряться незаметно скармливать ему две маленькие розовые таблетки.

И наконец — Медведь. Ему перевалило за пятнадцать лет, и в нем было что-то от неугомонного готического поэта. Голос напоминал сте-



нания призрака животного девятнадцатого века, только я никак не мог решить какого. Как и Джанет, в иерархии наших прежних отношений Медведь был котом Ди. Более того, он так и сохранил стигмат любимчика моей бывшей. Хотя меня любил больше — в этом мы были с Ди согласны. Тому свидетельствовали явные признаки: Медведю нравилось устроиться у меня на коленях и, мурлыкая, заглядывать в глаза. Он никогда не забирался в корзину с вещами из прачечной и не гадил точно в карман моего халата и даже не писал мне на ноги, если мы ссорились.

В первые месяцы после разрыва с Ди коты неумолимо напоминали о наших давно угасших отношениях. Их истории были нашими общими, а многочисленные прозвища прозвучали бы фальшиво, если бы я произносил их при посторонних в доме, который делил с ней одной. На карте Норфолка эти четыре зверушки были самыми близкими и болезненными точками под названием «Мы». И, хотел я того или нет, определяли мое первое лето в роли холостяка.

Но затем случилось нечто неожиданное: мне стало комфортнее. Я стал чувствовать себя лучше, свободнее, самим собой. Вместо того чтобы нестись встречаться с разбросанными по всей стране старыми друзьями, попытался познакомиться с новыми, по соседству, и это мне на удивление легко удалось. Я узнал Норфолк и полюбил этот край. Каждый день съедал по